

Перед моим окном растет старая магнолия. Ее голые крючковатые сучья бесполезно скрипят всю зиму и царапают по стеклу. Но когда начинает пригревать рыбее солнце и в лужах уже вовсю брызгаются воробы, за одну из весенних ночей эти узловатые, покрытые шершавой корой ветви-уродцы выпускают нежно-розовые свечи. И все дерево превращается в жемчужно-лиловое кружево, как будто огромные бабочки-цветы прилетают из иного мира и присаживаются здесь отдохнуть. Есть такое поверье: если увидеть ранним утром, как раскрываются цветы

магнолии, и загадать любое желание, оно обязательно исполнится. Много раз я пыталась подстеречь это чудо, но безуспешно.

Под деревом, укрывая его корни и вбирая в себя облетевшие лепестки цветов, расположился такой же старый, как и магнолия, мох. Так и живут они вместе, сколько их помню. Вначале бабочки-цветы появляются на дереве, потом начинают переселяться на мох, и тут как будто продолжается их жемчужное цветение. Потом зеленый мягкий ковер покрывается маленькими звездочками василькового цвета редкой чистоты, это разбуженный мох

словно возвращает цветы и любовь опять стареющей и теряющей прелест магнолии.

Казалось, этот островок красоты и гармонии жил и будет жить здесь всегда. Птицы не выют гнезда в ветвях дерева и не таскают в них мох, зайцы и белки частенько сидят на дорожке и любуются на цветы, и даже олениха с олененком, известные любители мха, никогда не тревожат его покой.

Старая пешеходная дорожка, идущая к дому, растрескалась и требовала приложения рук. Скоро должны были прийти рабочие, чтобы выложить новую

из камня. Мог же нависал надней и при ремонте дорожки мог серьезно пострадать. Мне стало жалко его, и я вышла посмотреть, как защитить растение от возможных повреждений.

«Так, здесь можно мох аккуратно поднять сеткой, которую надо будет закрепить клиньями», — подумала я и вдруг словно бы услышала чей-то еле уловимый шепот:

— Помогите, помогите!..

Горячая волна чужой мольбы и надежды накрыла меня и потащила в мое врачебное прошлое.

Реанимационная палата отделения черепно-мозговой травмы. Стены выложены белым кафелем, пол — серым линолеумом. В углу за столом, покрытым старым, потрескавшимся пластиком, на металлическом стуле сидит пышногрудая, рыжеволосая медсестра Люся. В комнате стоит шесть кроватей с лежащими на них телами, в легкие которых гармошки аппаратов искусственной вентиляции ритмично нагнетают кислородно-воздушную смесь. Когда-то это были веселые мотоциклисты: пять ребят и одна девушка. Крупная такая, сильная, как парень, Катериной зовут, во время мотокросса получила тяжелейшую травму головы. Показатели ее мозговой активности приближались к нулю, но сердце сильное, молодое работало хорошо. Светало. Перед сдачей дежурства я, врач-реаниматолог, осматриваю пациентов, подхожу к кровати Катерины, кладу свою ладонь на ее руку и говорю:

— До свидания, Катюша, увидимся через два дня!

А сама думаю: «Ох, плохо дело, не доживешь ты до моего следующего дежурства!»

И вдруг слышу еле уловимый шепот, ощущаю его как вибрацию, идущую по коже, это был не голос, это звучала сама мысль:

— Помогите, помогите!..

Наклоняюсь и тщательно осматриваю Катю еще раз, перепроверяю все ее показатели — никаких изменений, но шепот, такой странный, как за гранью мира, — точно был. За годы работы в реанимации врач начинает обращать внимание на любые изменения, в том числе запаха, цвета, звука.

Что-то щелкнуло на границе человеческого восприятия, произошло. Погруженная в свои мысли, возвращаюсь в ordinatorku, а там уже находится бригада трансплантологов и заведующий нашего отделения.

— Доброе утро, коллега! Мы посмотрели все последние данные пациентов, — привычной скороговоркой начинает со мной разговор заведующий, — и коллегиально считаем, что у Катерины наступила смерть мозга. Вот заключение консилиума, прочитайте и, если не возражаете, распишитесь. Не будем задерживать трансплантологов, у них экстренный заказ на почки. Надо спешить, как говорят, спасти другую жизнь.

— Доброе утро, коллега! — колюче отвечаю я своему начальнику, хотя прекрасно понимаю, что у него работа такая — принимать тяжелые решения. — Подписывать заключение консилиума я не стану. Девочка только что прошептала «Помогите!» — значит, ее мозг жив. Извините, господа трансплантологи, нас за ложный вызов.

Через три дня Катя вышла из комы, а позднее рассказала мне то, что видела и запомнила, находясь в этом состоянии.

— Понимаете, доктор, оказывается, я — это мох, и расту у старой дорожки. И вот приходят рабочие, вырывают меня и начинают

строить новую дорогу. Так просто, никакой злобы или обиды, им нет до меня никакого дела, они идут своим путем и делают свою работу. А меня из моего же дома, где я жила много лет, радовала всех цветами, выбрасывают умирать на обочину. Я кричу им: «Помогите, помогите! Это мой дом, я тоже хочу жить!» Проваливаюсь под землю, матушка-земля сходится надо мною. Ужас такой силы корежит меня, что я ощущаю, как сердце мое остановилось. Вдруг вспыхивает яркий свет, и я, уже в своем обычном теле, стою в центре столовой, возможно, студенческой или заводской. Вокруг стены из белого кафеля, пол серый, цементный, столы и стулья железные с рас才是真正 скавшимся пластиковым покрытием. Стою я голая, холодно мне и стыдно, а напротив меня, за столом, сидят две рыжие толстые монахини в черных рясах, но с непокрытыми головами, смеются, пальцами на меня показывают:

— А тебя, ха-ха, вообще, случайно нашли. Ты так тоненько-тоненько просила: «Помогите, помогите!..»

— А кто меня нашел? — удивленно спрашиваю их я.

— А тот, кто всех находит и спасает! — очень весело, как само

собою разумеющееся, небрежно отвечают они.

И тут я чувствую разряд в сердце, и оно начинает биться. Ощущаю, спасена, меня все-таки пересадили! Открываю глаза и вижу вас, доктор.

Пока я вспоминала прошлое и вытирала слезы, подошли рабочие, которые должны были укладывать новую плитку вместо старой дорожки.

— Подождите, подождите.

Вначале надо мох поднять сеткой, закрепить ее клиньями и укрыть все это пленкой, — старательно и четко начала объяснять я.

Мы аккуратно старались спасти весь мох, но все-таки некоторые его куски отвалились, и, пока я возилась с пленкой, один из строителей быстро собрал куски мха и понес их выбрасывать в контейнер для строительного мусора.

— Стойте, стойте! — в ужасе закричала я. — Вернитесь, не выбрасывайте мох.

— Так это ж, хозяйка, мусор. Кому он нужен? — несколько оторопело удивился рабочий.

— Да просто строили дорогу, и ничего личного. Вот так и выбрасывают умирать, проходя мимо и делая свою работу, — ответила я скорее своим воспоминаниям, чем немного растерявшемуся строителю.

— Я не понял, хозяйка, о чем вы говорите? — остановился, обернувшись на звук моего голоса, рабочий.

— Знаете, — произнесла я, забирая у него куски мха и бережно раскладывая их на траве. — Мы ведь тоже, вы, или я, или, к примеру, ваш бригадир можем быть мхом или строителем, а можем быть и садовником-спасителем. Так что пересадить надо оставшийся мох, спасти его. Тем более что это не составляет для меня никакого труда. Хотя бы в благодарность за то, что он дарил мне столько лет свою красоту.

— Да какая может быть красота у мха! Мох — это же паразит!

Зря, что ли, о старом, никемном говорят — поросший мхом. А дорога и строители — это всегда символ нового, нужного. Другое дело — цветы или деревья! Что-то более значительное, стоящее, тут есть что беречь, — неожиданно поддержал разговор рабочий.

— Вы знаете, я уверена, что мир огромен и в нем хватает места всем, поэтому не надо толкаться, суетиться и уничтожать друг друга, нужно просто всегда помнить, что мы — мох, а не строители, — закончила я этот не совсем понятный моему собеседнику разговор, продолжая думать о том, как все вокруг удивительным образом взаимосвязано. И такие категории, как мораль, милосердие, правосудие, — не бывают избирательными. Они либо есть, либо их нет. И очень страшно жить среди тех, кто считает это ханжеством и лицемерием, где избирательность этих категорий может стать сутью человека или государственной системы.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРТИНЫ

-Ку-ку, ку-ку, ку-ку... — прокричала двенадцать раз кукушка, высекавая из дупла вселенского дуба, обхватившего могучими щупальцами диск земли.

Молодые, самонадеянные камни пытались сокрушить корни дерева, однако старились и уходили вместе с ветром и водою, а на их месте возникали новые, еще более упорные, и опять превращались в пыль. Стоял же дуб у подножья заоблачной горы, на берегу звонкой, радужной речки и любовался на свои кудри золотые, плывущие лодочками по воде. Устал он быть венчозеленым, оплодотворяющим самого себя и приносящим плоды. За

желудями забирались на него белки, царапая ему грудь своими безжалостными острыми коготками, или приходили вонючие, косматые свиньи, подрывая его корни и причиняя ему боль сильнее, чем камни. Однако вечность тоже имеет свои полустанки, и вот наступил у дуба кризис среднего возраста, и стал он меняться, желтеть и краснеть от шуток дриад, поселившихся в его кроне и щекотавших его кору своей шелковистой кожей. Начал он избавляться от желудей, проливаясь багряным дождем листьев в воду, обнажая бугры дубовых мышц и поигрывая ими в лучах радуги, что висела мостом через

речку. Дриады же еще больше хихикали и прижимались к торсу и бицепсам дуба.

Обалдевший от созерцания шалостей вечно юных дев и вселенского дуба, ветер присел на облако и поспорил с дождем на свои двухнедельные каникулы, что у вселенского дуба будет все же инсульт от чрезмерного пропива соков, вызванного столь интимной близостью с шалуньями, после чего дуб облысеет и потеряет все, что накопил до этого, лишив очередное поколение желудей надежды на новую дубовую рощу.

Солнце тоже выкатилось из-за плеча дождя погреться в лучах нежности обманчивой любви,

какую дуб теперь раздиривал всему окружающему, а не упаковывал суррогатом в миллионы маленьких желудей. И вдохновленное таким примером светило стало украшать мир для влюбленных, запустив желто-медные саламандры с неба, которые и зажгли рыжие костры в кронах деревьев и в зеркале реки. Солнышко расплескало огонь, ласкающий и дарящий прощение греха, по листьям, тыквам и хризантемам и сделало мир теплым и уютным.

Туман с горьковатым запахом покоя, уносящий боль, тревогу и обиду, поднимался от затухающего золота листьев, запитых утренней росой, от красноватых шапок грибов, от кровавых ягод калины и шиповника.

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку, бабье лето, две недели любви вселенского дуба и дриад, любви зрелости и юности наступили, ку-ку, ку-ку, две недели нежности и надежды, две недели великой охоты за благополучием и счастьем пришли, ку-ку... Да устала я уже глотку драть, двенадцать часов, воскресенье, сезон бабьего лета открыт! Декорации смонтированы, сцена готова. Госпожа, где вы? Третий звонок, представление начинается. Все зрители собрались, занавес, — надрывалась кукушка из дупла, похрипывая от натуги все заметнее и противнее.

— Ну все, дальше тянуть невозможно, придется опять делать эту тупую, нудную работу. Ненавижу бабье лето, ненавижу. Все наслаждаются покоем, теплом, одна я должна горбатиться. Ну ничего, я расставлю своих мальчиков-охотников, толстых таких, голых мальчиков со стрелами, и они начнут стрелять на взлете самых жирных и уверенных в себе селезней и уток, зайцев и зайчих, лобстеров и карарактиц — все, что движется и решило, что его

благополучию уже ничто угрожать не может. Ну что, человечики, добро пожаловать к маме Гере на улов. Пора, надо начать раскладывать по парам носки, тянуть дальше некуда, а то дуб совсем втюрится в девчонок. Так можно и ось мироздания надломить, а за это мой муженек опять меня на вожжах подвесит между небом и землей, — завела монолог высокая красивая зрелая женщина, по человеческим меркам лет сорока пяти.

Роскошную гриву ее рыжих волос украшала диадема, высокую полную грудь и подтянутые бедра подчеркивало платье в виде цветка с желто-оранжевыми, перехо-дящими в красный цвет, лепестками. Глаза ее мерцали, как свечи, светом манящим и ленивым.

Богиня, а это, да, была именно она, Гера, хранительница брачных уз, супруга Верховного старого бога Зевса, сидела у подножья вселенского дуба в облачном кресле, а перед ней стояло огромное корыто, доверху наполненное непарными носками, поношенными, но чистыми.

Напротив промстился у мольберта маэстро Франческо Альбани, готовый начать свой очередной шедевр.

— Интересно, Франческо, как же ты в этот раз выкрутись и изобразишь таинство изменения судьбы или, как мы его называем на Олимпе, бабье лето? — спросила Гера, запустив обе руки в корыто и достав оттуда два непарных носка. Правая рука богини держала белоснежный носок с вышитой золотом лилией, а левая — голубой носочек хромоножки со стертой внешней стороной. — О, какая получится чудесная пара, король и хромоножка. Он, толстопузый король, влюбится в девушку-хромоножку, а она, чтобы спасти своего юного возлюбленного, заставит старого правителя начать войну.

Связем, связем эти два носочки. Ловите эту парочку, мальчишки, и летите на охоту, стрелять по их сердцам, — проговорила, раскатисто смеясь, богиня, связала два носка и отдала их подлетевшим купидонам с развивающимися кудрями и с грозными луками и стрелами за спиной. — Вообще-то, господин Альбани, мои милые амуры больше похожи на твоих многочисленных детей, чем на моих грозных охотников, меняющих судьбы людей и творящих историю, — продолжала работать Гера и извлекла опять два носка. Один из них был очень изысканно строгий, другой рваный, с серьгой на пятке. — Ха-ха-ха, отличная парочка, она — зрелая дама, мать четверых детей, жена испанского гранда, он — юный, безбашенный пират, потопивший галеон ее мужа и взявший ее в плен. Ловите, мальчики.

Очередная пара охотников подхватила носки и улетела.

Вокруг дуба носились десятки купидонов, гонялись друг за другом и играли в салочки.

Следующая пара извлеченных из корыта носков была практически идеальной, оба одинаковые, в черно-белую полоску.

— Какая прелест! Невеста в ЗАГСе начнет болтать с парнем-мотоциклистом через открытое окно, выпрыгнет в него и уедет с похитителем навсегда. А богатый жених и алчные родители невесты останутся, как говаривает мой муженек, при своих.

Гера шутила и просто складывала носки. Именно она, берегущая узы брака, знающая, насколько эти узы хрупки и тяжелы, могла их разорвать и изменить судьбу. Ранней осенью, когда на земле наступало обманчивое бабье лето, когда вселенский дуб начинал чудить, а ось мироздания — ему подыгрывать, когда серебристая паутина звенела тишиной, а георгины распускали свои пестрые

цветы и рыжие тыквы выходили на парад, моры начинали мечтать, открывали ворота Олимпа, выпускали Геру и ее воинство к дубу.

Клото пряла больше новой пряжи, Лахесис выдергивала из покрывала мироздания старые нити и вязала из них носки, а Антропос резала эти нити и отдавала непарные носки яростному и злому Аресу. Тот бросал их в запруду радужной реки, где били горячие ключи, и сыпал туда пепел из своего Олимпийского вулкана на Марсе. Жена же его Афродита, уличенная им в очередной раз в неверности, стараясь наладить супружеский мир, трудолюбиво делала жлукто, доставала из него носки, била их камнем, полоскала в ключевой воде, сушила на солнышке и в большом корыте относила своей свекрови Гере.

В воскресенье, когда могут жениться все: иудеи, христиане, мусульмане, буддисты, — когда боги, кроме Геры, отдыхают, богиня должна была садиться у корыта и складывать носки. Это упражнение по усмирению гордыни придумал ей Зевс за ее непокорный и ревнивый характер.

— Кто, как не я, знает, как сложено быть хорошей женой. Зевс мудрый, он проглотил свою первую жену и познал мудрость, ослепил свою вторую жену и помирисился со справедливостью, а я вот вечно огонь в печи поддерживаю, пироги пеку, носки складываю и остаюсь в результате женой до сих пор. Протоплю мужу своему печку на дровах березовых, вымою господина своего золою в ней, окочу его водою ключевою, стущеною, посажу у самовара чай пить липовый с пирогами. И все сама, вот и наполняю Зевса собою до краев. И не полетит он после такого ни к какой Европе, а ты, Франческо, не напишешь об этом картину и не растрезвонишь по всему свету белому. Ну, вот и последняя пара на сегодня. Влюбится священник в свою прихожанку и будет себе пальцы рубить и бога своего просить, чтобы избавил от искушения. Интересно, как же ты меня сегодня изобразил сидящей у корыта. Принеси картину, посмотрю. — И Гера устало откинулась в кресле, массируя кисти рук.

Художник снял полотно, натянутое на раму, с мольберта, подошел к Гере и повернул к ней картину.

— Ха-ха-ха, давно я так не смеялась. А ты шутник, маэстро, Франческо Альбани, последний раз, помню, так хохотала, когда ты Зевса белым быком изобразил при похищении Европы. А теперь таинство изменения судьбы представил в виде огромного рыжего полосатого тигра, идущего по объятому языками пламени полю, да еще подслеповатого, в черных очках и обутого в стоптанные черные сапоги. Похоже, идет эта зверюга, задумавшись, по огненной траве, своим путем, а тут под его ногами женщина лежит, длинноногая, крутобедрая, с большой высокой грудью. Остановился он и думает: «Зачем она мне, одни хлопоты и неприятности! Сгорит ведь все дотла, и ничего с эти пламенем не поделаешь. Неотвратима судьба, как стихия огня. Однако ты философ, Франческо, удивил! — немного устало подвела итог Гера, запрокинула голову и подставила лицо ласковым лучам солнца, просочившимся сквозь поредевшую корону дуба. Ветер ушел на каникулы, прихватив с собой старого верного друга — дождь. Деревья, как гигантские цветы, расцвели красивым, желтым, золотым, зеленым, пронзив синее-пресинее небо ветвями. Тишина, тепло и нежность опустились на мир в преддверии зимнего сна. Богиня любила эти две неторопливые, горьковатые и прекрасные недели бабьего лета, когда несбыточные мечты становились почти реальностью и надежда садилась каждому на плечо. Но миг, исполненный счастья и красоты, прошел, богиня встала и медленно побрела к воротам Олимпа навстречу вечной весне, борьбе и молодости.

